

Чжао Кэжань заметил, что люди внизу начали проявлять беспокойство, и только тогда осознал, что сам до сих пор не произнес ни слова. Он обратился к Ду Ювэю:

— Возьми несколько человек и приведи сюда Лю Сычжу. Если сегодня подтвердится, что слова Лю Ванши правдивы, то, согласно законам Да Юань, мы накажем его со всей строгостью.

Ду Ювэй был человеком грубоватым и внушительным, способным напугать кого угодно. Чжао Кэжань заметил, что тот с тех пор, как увидел женщину с ранами, весь надулся, как рыба-фугу, будто готов был взорваться от гнева.

С таким настроением, поручение схватить Лю Сычжу, должно быть, будет выполнено быстро.

Чжао Кэжань велел Жу Фэну пригласить Ли Жэньдэ, а Сунь Ину найти скамейку для Лю Ванши.

Когда Лю Ванши подняли и усадили на деревянную скамейку, она все еще была в замешательстве.

Неужели ей действительно собираются помочь?

Опомнившись, Лю Ванши бросилась на колени и начала кланяться Чжао Кэжаню. Ее голос дрожал от слез, и она больше не могла четко говорить:

— Спасибо, спасибо, ваша милость, за то, что заступились за простую женщину.

Чжао Кэжань поспешил велеть Сунь Ину помочь Лю Ванши сесть, ожидая, пока она немного успокоится.

Хо Юань, увидев, что Чжао Кэжань поручил Ду Ювэю арестовать человека, понял, что тот намерен действовать по закону.

Он подошел и, глядя на сидящего наверху ребенка, который явно был расстроен, тихо спросил:

— Уездный начальник, вы знаете, какое наказание предусмотрено законом для Лю Сычжу, если его вина будет доказана?

Чжао Кэжань кивнул. Он действительно знал это, так как ранее изучал законы Да Юань. Этот закон был введен всего семь-восемь лет назад, во времена императора Чунью.

— Согласно законам Да Юань, восемьдесят ударов палками и десять дней в «водяной темнице». Если женщина потребует развода, все имущество перейдет к ней.

Хо Юань снова спросил:

— А вы знаете, каковы будут последствия восьмидесяти ударов палками и «водяной темницы»? И что будет, если все имущество перейдет к женщине?

Чжао Кэжань был озадачен. Он уже хотел сказать, что это приведет к инфекциям, тяжелым ранам и полному разорению, когда в голове раздался голос [000]:

— Брат Жань, «водяная темница» в Да Юань — это не просто вода. Здесь «вода» означает нечистоты. И во время заключения заключенным не дают еды. Если они хотят пить или есть, им приходится терпеть или довольствоваться крысами, насекомыми, а также нечистотами. Раны также могут инфицироваться, и это может привести к смерти.

Чжао Кэжань нахмурился:

— Почему император Чунъю установил такое наказание? Даже если человек действительно заслуживает смерти, так мучить его несправедливо.

[000] объяснил:

— Император Чунъю не был родным сыном императора Юаньфэна. Его усыновили из другой ветви рода. Его настоящий отец, будучи в депрессии, издевался над женой и детьми. Детские воспоминания о боли заставили императора Чунъю ненавидеть тех, кто бьет жен и детей, и после восшествия на престол он приложил много усилий, чтобы внести в законы Да Юань это наказание. Император Чунъю также использовал этот закон, чтобы наказать своего отца.

Однако знают об этом законе только чиновники. Простые люди и даже семьи чиновников почти ничего об этом не знают.

Чжао Кэжань сказал:

— Богатые могут откупиться от ударов палками и «водяной темницы». Но их действительно пугает, что женщины могут обратиться в суд и потребовать развода, лишив их имущества. Поэтому они объединились, чтобы скрыть это?

[000] ответил:

— Да. Император Чунъю, вероятно, сделал это, чтобы иметь повод наказать своего отца. Раз он добился своего, то чиновники, скрывающие закон, ему не мешали.

[000] добавил:

— Хо Юань спрашивает вас об этом, потому что, вероятно, боится, что вы заденете интересы всех власть имущих в Да Юань. Если вы действительно накажете Лю Сычжу по закону, это дело будет передано наверх. Тогда все решат, что вы хотите обнародовать этот закон.

— В таком случае я стану мишенью для всех, — вздохнул Чжао Кэжань.

В тихих словах Лю Ванши Чжао Кэжань услышал имя помощника уездного начальника Фана. Сопоставив это с тем, что сказал [000], Чжао Кэжань понял. Фан Чжунъюань застрял в Цзиньяне, возможно, именно потому, что когда-то продвигал новый закон и был подвергнут преследованиям.

Он собрался с мыслями. Хо Юань все еще смотрел на него, ожидая ответа.

— Спасибо за напоминание, Юань. У меня есть план.

Когда Ду Ювэй с охраной ворвался в дом Лю Сычжу, тот буйствовал во дворе. Он кричал, что жена сбежала с другим, и угрожал, что покажет тому, кто посмеет перечить ему.

Ду Ювэй спросил, он ли Лю Сычжу. Тот, встретившись с ним взглядом и увидев, что перед ним не только группа людей, но и сам Ду Ювэй выглядел угрожающе, сразу же сник. На его лице появилась подобострастная улыбка, и он спросил:

— Это я, Лю Сычжу. Чем могу служить, господин?

Убедившись, что это он, Ду Ювэй махнул рукой, и охранники тут же связали его.

Лю Сычжу только открыл рот, чтобы закричать, как Ду Ювэй заткнул ему рот грязной тряпкой.

В деревне такого никогда не видели, и Лю Сычжу всю дорогу бушевал, привлекая внимание многих людей, которые следовали за ними.

К тому времени, как они добрались до уездной управы, за ними уже шло около тридцати человек.

Лю Сычжу был брошен на землю, и Ду Ювэй, склонив голову, доложил Чжао Кэжаню:

— Докладываю, уездный начальник, Лю Сычжу задержан.

Чжао Кэжань кивнул, сигнализирував Ду Ювэю вынуть тряпку изо рта Лю Сычжу.

Ду Ювэй с отвращением вытащил вонючую, пропитанную слюной тряпку изо рта Лю Сычжу.

Лю Сычжу наконец смог пошевелить челюстью, он почти разучился говорить.

Оглянувшись, он заметил Лю Ванши, сидящую в стороне. Гнев ударил ему в голову, он потерял рассудок, забыв, где находится, и бросился к ней. Сунь Ин, бывший солдат, быстро среагировал и встал перед Лю Ванши. Ду Ювэй сзади подсек Лю Сычжу, и тот с грохотом упал лицом вниз.

— А-а-а!

Боль немного протрезвила Лю Сычжу. Он оглядел окружающих, затем посмотрел на чиновника, сидящего наверху.

Увидев, что перед ним симпатичный юноша с нежной кожей, Лю Сычжу почувствовал себя увереннее. Он уже хотел начать кричать, как заметил, что за столом стоит настоящий демон.

Тот стоял с каменным лицом, даже не взглянув на него. Но Лю Сычжу почувствовал, что в следующую секунду тот выхватит меч и пронзит его. Холод, исходящий от этого человека, заставил Лю Сычжу дрожать. Этот человек был страшнее любого бандита.

Лю Сычжу тут же замолчал, как мышь.

— Лю Сычжу, знаешь ли ты, почему я приказал тебя связать? — Чжао Кэжань говорил официальным тоном, стараясь звучать строго.

Хо Юань, слушая, как юноша пытается говорить как серьезный чиновник, едва сдерживал улыбку.

Но Лю Сычжу не смел смеяться. Он был напуган до смерти Хо Юанем. Увидев Лю Ванши, сидящую на скамейке, а себя связанным, он уже догадался, в чем дело.

Наверняка эта стерва что-то наговорила!

— Ваша милость! Я невиновен! Я не знаю, что эта стерва вам наговорила, но она точно лжет! У нее есть любовник, и она хочет, чтобы меня посадили, чтобы сбежать с ним! — Лю Сычжу рыдал, слезы и сопли текли по его лицу, словно он действительно был невиновен.

Услышав это, Лю Ванши вскочила на ноги, желая объяснить Чжао Кэжаню. Она боялась, что тот действительно поверит словам этого негодяя.

Чжао Кэжань покачал головой, и Лю Ванши, поняв его, снова села, полная тревоги.

— Лю Ванши обвиняет тебя в избиении жены и дочери. Согласно законам Да Юань, за избиение жены и детей полагается восемьдесят ударов палками и заключение в «водяную темницу». В случае особой жестокости, если женщина потребует развода, все имущество мужа перейдет к ней. Лю Сычжу, признаешь ли ты свою вину?

Лю Сычжу замер. Он никогда не слышал о таком законе!

— Этого не может быть! Я бью свою жену и детей, и вам, чиновникам, до этого нет дела!

Чжао Кэжань усмехнулся:

— Этот закон был установлен самим покойным императором. И ты говоришь мне, что это не мое дело?

Лю Сычжу покрылся холодным потом. Очевидно, такой закон действительно существует, но он о нем не знал. Заставив себя успокоиться, он быстро сообразил:

— Это она сама упала и поранилась, какое это имеет ко мне отношение? Эта стерва хочет оклеветать меня, чтобы сбежать с любовником!

Эти слова вызвали одобрение среди некоторых зрителей.

Чжао Кэжань рассмеялся от злости. [000] тоже не мог не вздохнуть: действительно, справедливому судье трудно разобраться в семейных делах.

Глядя на избитую Лю Ванши, затем на Лю Сычжу, валяющегося на полу, и на людей за дверями, он не знал, кто из них поддерживал Лю Сычжу. Ему стало противно.

<http://bllate.org/book/17722/1656510>